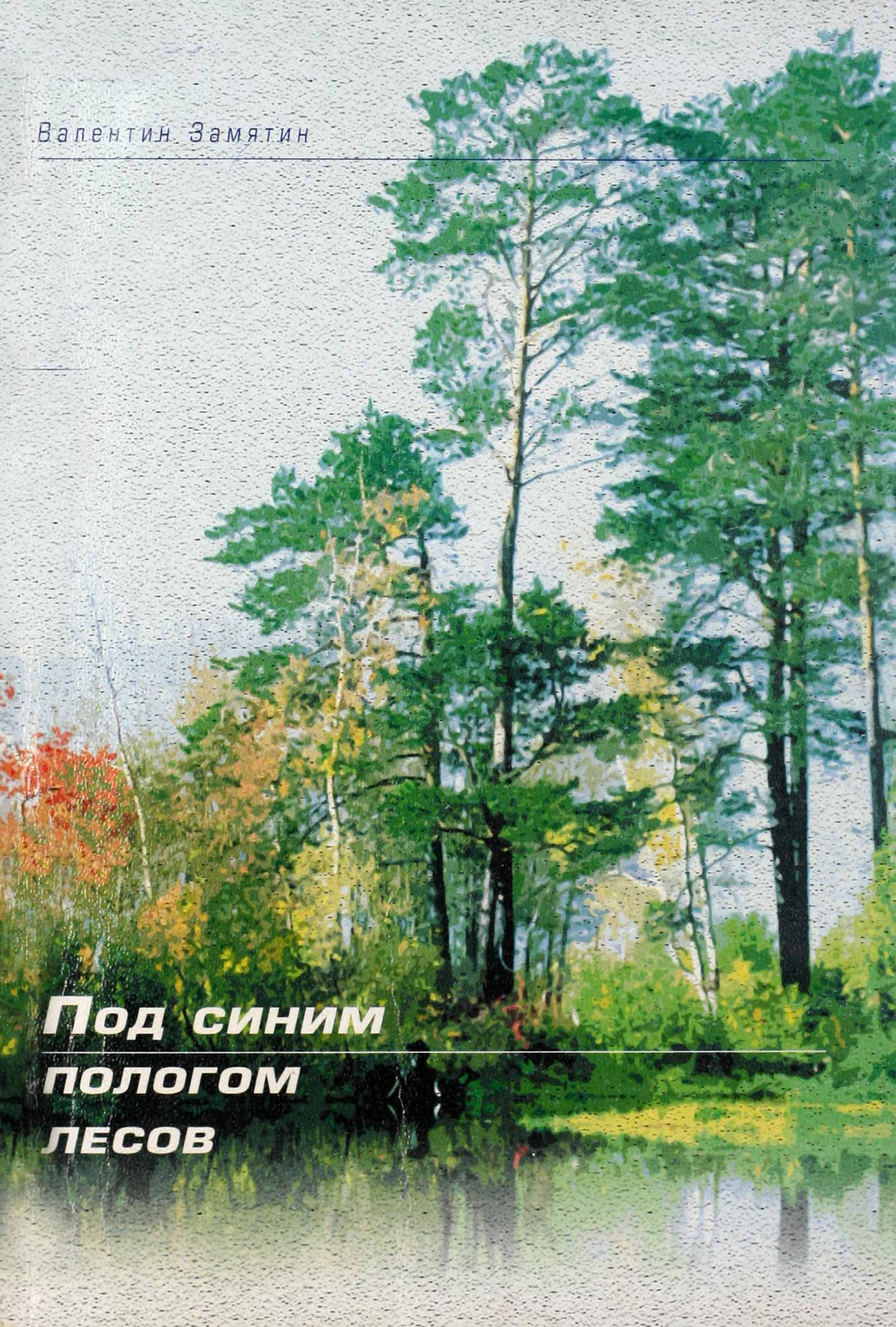

Валентин Замятин

**Под синним
пологом
лесов**

ВАЛЕНТИН ЗАМЯТИН

**ПОД СИНИМ
ПОЛОГОМ ЛЕСОВ**

- 70286 (4) - КО.

**СУРГУТСКАЯ РАЙОННАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА**

СУРГУТ

ОАО «Сургутнефтегаз»
РИИЦ «Нефть Приобья»

2001

ББК 84 (2 Р53)

З-26

**Книга издана при финансовой поддержке
комитета по культуре
администрации Сургутского района.**

Замятин В.П.

З-26 «Под синим пологом лесов». — Сургут: Рекламно-издательский
информационный центр «Нефть Приобья» ОАО «Сургутнефтегаз»; 2001. —
80 стр., 16 илл.

ISBN 5-93278-016-9

© В.П. Замятин, 2001.

© РИИЦ «Нефть Приобья»
ОАО «Сургутнефтегаз», оформление, 2001.

ЗАМЯТИН

Валентин Петрович

родился в 1940 году в селе Тундрино Сургутского района в семье учителей. Рано приучился к деревенской работе, полюбил рыбалку и охоту.

После окончания педагогического института трудился учителем Ляминской, затем директором Песчановской и Сытоминской школ.

Награжден знаком «Отличник народного просвещения».

Несколько лет заведовал районным отделом народного образования, после чего был направлен на партийную работу.

Последние семь лет работал председателем комитета районного Совета народных депутатов по социальным вопросам и заместителем главы администрации района.

В настоящее время на пенсии. Вместе с женой вырастили четверых детей, помогают в воспитании внуков.

Валентин Петрович занимается общественной деятельностью, знает проблемы жителей района и стремится помочь в их решении.

В 1998 году ему присвоено звание «Почетный гражданин Сургутского района».

*С любовью
и признательностью
ко всем жителям
Сургутского района
и г.Сургута*

В. Замятин.

ЕСЛИ МАТЬ ПРОВОЖАЕТ С УЛЫБКОЙ

Я храню в своей памяти зыбкой
Старой песни припев дорогой:
Если мать провожает с улыбкой,
То с улыбкой вернешься домой.

В час беды эта песня спасала,
Словно ангел-хранитель в ночи,
Погибающим силы давала,
Согревала, как солнца лучи.

Пел солдат, получая открытки.
Пел израненный весь, но живой:
Если мать провожает с улыбкой,
Сын с улыбкой вернется домой.

И когда меня буря накрыла
Белым гребнем кипящей реки,
Эта песня мне жизнь подарила,
Сберегла всем смертям вопреки.

И когда в дни болезни суровой
Я у жизни стоял на краю,
Мне казалось, что снова и снова
Эту песню себе я пою.

Испытаний изведав с избытком,
Скажем вместе с тобою, друг мой:
Провожайте нас, мамы, с улыбкой,
Мы с улыбкой вернемся домой!

ПОД СИНИМ ПОЛОГОМ ЛЕСОВ

Мне счастье выпало родиться
Под синим пологом лесов,
Где в изобилие зверь и птица
Плодились, радуя ловцов.

Где с веток, тяжестью согнутых,
Кедр шишки стряхивал стеной,
Где в перевесы стаи уток
Врывались раннею весной.

Где рыбой полная до края
Обь раздвигала берега,
Где жизнь бурлила молодая —
Все память сердца сберегла.

Здесь песни пели так душевно!
И замирали небеса,
Когда в забвении волшебном,
Сливаясь, плыли голоса.

Ценили песню удалую,
Но больше всех сургутский гимн
Про занавесочку родную,
Про ту, что ветер шевелил.

Под песни в поле выходили,
Тянули дружно невода.
Играли свадьбы и любили,
И тут... обрушилась беда.

Все испытали. Одолели.
Как горек был тот хлеб войны!
Мы все отдали, что имели,
И никому мы не должны.

Потом пришла пора иная,
Когда прервав извечный сон,
Река проснулась нефтяная
И на дыбы восстал район.

Наш край непуганого зверя,
Исконно рыбный и лесной,
(Да разве в это кто поверит!)
Вдруг стал столицей нефтяной.

И песни новые в урманах,
В стране тоскующих озер
О голубой тайге, туманах
Запел бесстрашный фантазер.

Взметнулись вышки буровые,
Дав жизнь поселкам, городам.
Какие парни огневые,
Какие женщины крутые,
Трудились с честью тут и там!

Желанней нет тебя и краше,
Моя родная сторона.
Ты вся в движеньи, вся на марше,
И поступь гордая слышна.

Успехи наши так заметны!
Но ты, мой край, ты не забыл
О занавесочке заветной,
О той, что ветер шевелил?

ПЕРВЫЙ ПАРОХОД

О, как мы ждали первый пароход!
Мы вглядывались вдаль до помрачения.
И совершался дивный переход
В неведомое раньше измерение.

«Свердлов», «Орджоникидзе» иль «Совет» —
Названья эти разве кто забудет!
И даже бремя промелькнувших лет
Ту память не погасит, не остудит.

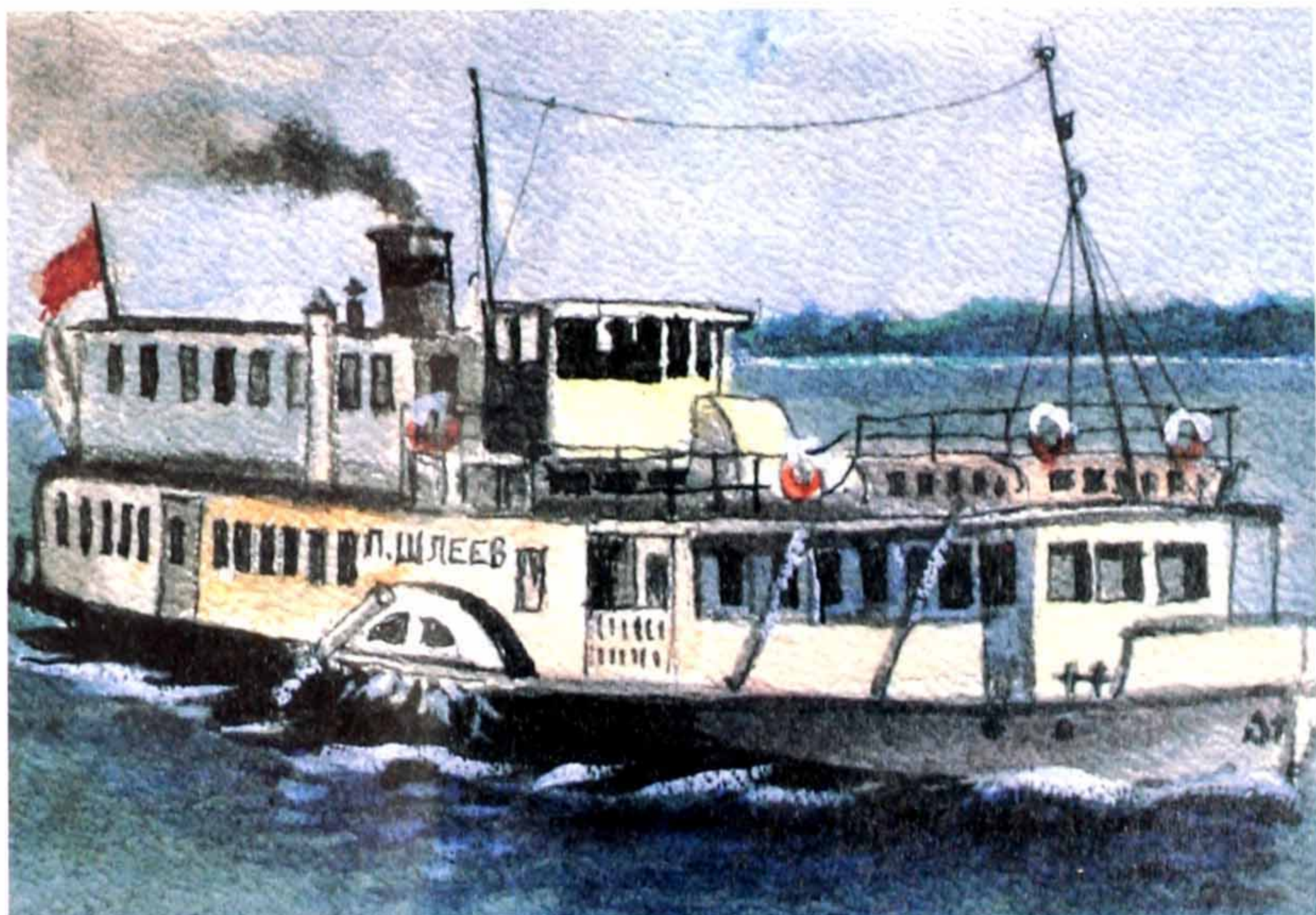
Мы ждали пароход, как ждут весну,
С неистовою верой в обновление.
Вослед за льдом, взрывая тишину,
Он к нам являлся сказочным виденьем.

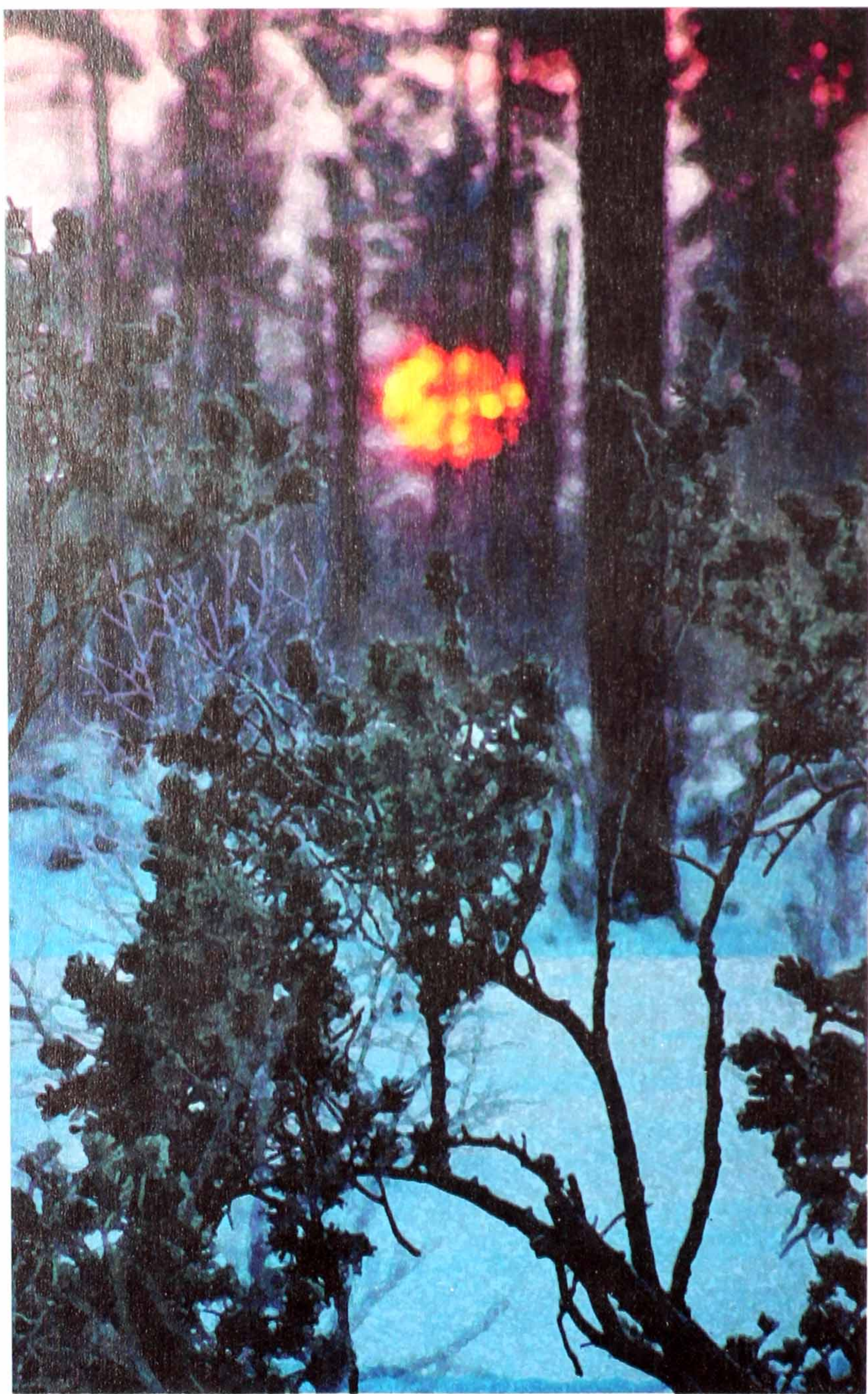
И вот деревня вся на берегу.
Ревет гудок, прерывистый и близкий.
И пароход, споткнувшись на бегу,
С колес отряхивает радужные брызги.

В весенних заводях кружатся облака.
Прощанья, встречи, обещания влюбленных...
Все видит Обь — великая река
И все хранит в глубинах потаенных.

Одни уходят с берега в слезах,
Другие — в радости, дорог не разбирая.
А палуба колышется в платках,
За дальним мысом тихо исчезая.

Как хочется вернуть тот пароход,
Надежды светлые и юности дерзання!
Но свыше нам дано идти вперед,
А прошлое хранить в воспоминаньях.

ПОКАЯНИЕ

Под березами, в дремлющих травах,
Притаилась желанная сень.
В тихом шепоте листьев усталых
Слышу голос родных деревень.

Я в траву с головой зароюсь.
Припаду я ничком к земле.
Самой чистой росой умоюсь
И покаюсь в своей вине.

Юность верит в мечты и грезы,
И под рев паровозных гудков,
Под мельканье платков и слезы
Уплывали мы в шум городов.

Уплывали, как убегали,
И сжималось сердце в комок.
Словно, что-то святое предали,
Что с рожденья вложил в нас Бог.

А деревни пустели и гасли,
Покрывались бурьян-травой.
Проклинали они не нас ли,
И не нас ли звали домой?

Ты прости меня, бор кедровый,
Речка синяя, поле — прости!
К вам вернулся я нынче снова
Покаянье свое принести.

СТАРОЖИЛАМ СУРГУТА

Все из одной мы колыбели.
Нам мать — Сургутская земля.
Нам эти сосны, эти ели
И берега, где мы выросли,
Где жили, как одна семья,
Никак не позабыть, друзья!

Шумела Барская гора
В веселых играх, хороводах,
А Сайма, чистая тогда,
Ласкала нас в упругих водах.

Гусей несчетных косяки,
Как тучи, небо закрывали,
И на весновку мужики
Вперегонки к Оби бежали.

И всяк охотник и рыбак
Гордился доброю удачей.
Как жалок нынешний чудак,
Что дни свои влачит на даче!

Сургут уютен был и мал,
Весь в палисадниках с цветами.
И каждый всех в округе знал,
И все друг другу помогали.

Нет, не избыть воспоминаний
И ностальгии о былом.
Хоть много выпало страданий,
Жизнь больше помнится добром.

В стихах не принято, наверно,
Перечислять фамилий ряд,
Но и забыть о них неверно,
Нам это внуки не простят.

Щепеткин, Кушников, Кайдалов,
Захаров, Панкин, Кондаков,
Тетюцкий, Манин и Завьялов,
Малюгин и Проводников,
Тверетин, Кашин и Буканин,
Зырянов, Менщиков, Ольков...

Династий этих знаменитых
В веках остался добрый след.
Они поныне не забыты.
Им ни конца, ни края нет.

Грустят седые старожилы
За дружным праздничным столом.
Они недаром жизнь прожили,
Они недаром рвали жилы
Под Сталинградом и Орлом.

Они без жалоб в холод лютый
Не зря тянули невода.
И стела «Рыбакам Сургута...»
В их честь не зря возведена.

Хранит героев наша память,
Что с нефтяной пришли зарей.
И тех, кто ГРЭС сумел поставить
Над древней Марьиной горой.
Везде видны шаги саженьи.

Растет наш город вширь и ввысь.
Но не уходит сожаленье,
Что не сумели в том кипеньи
Воскликнуть: «Миг, остановись!»

Как жаль, что старого Сургута
Не сохранился уголок.
Так тянет-тянет почему-то
Взглянуть на кровный свой исток.

Нет, не уйдет у нас в преданье,
Мы не из тех, чтоб забывать,
Как жил упрямый Показаньев
В своих неистовых дерзаннях,
И смог эпоху воссоздать.

Как Петр Мунарев старался,
Как старикам он помогал.
Он в списках общества остался,
Что сам когда-то основал.

Судьбой гордятся ветераны,
Не стоит только нас жалеть.
Еще сбываться нашим планам,
И много песен надо спеть.

Над Обью-матушкой широкой
Еще рассветы нам встречать
И в установленные сроки
Все юбилеи отмечать!

ПОЭМА ОБ ОТЦЕ

Там, где кедров дымкой голубою
Протянулись из конца в конец,
Где кружатся чайки над рекою,
В октябре родился мой отец.

По стране носился вихрь пожаров,
Гибли люди в яростной борьбе.
Помнил он расстрелы коммунаров,
Первых комсомольцев на селе.

Тьму рвала винтовочная вспышка,
Чья-то жизнь сгорала, как звезда,
И глядел, глядел в окно парнишка,
Чтоб запомнить это навсегда.

Рос в нужде, в семье большой и дружной,
Знал цену крестьянскому труду.
Грамоте учился ночью вьюжной
И решал задачи на стогу.

Устремлялась юность за мечтою.
«Что ж, езжай», — сказал отец-рыбак.
Вся в слезах махала мать рукою,
Сына провожая на рабфак.

Но пришлось домой вернуться скоро:
Год был трудный, год 37-ой.
Без суда, без всякого разбора
Вдруг забрали деда под конвой.

Почему? За что? — мутился разум
«Надо жить, сынок», — шептала мать.
Тяжко было... Но поняв все сразу,
Вслух убийц боялись называть.

Молодость всегда сильнее горя...
Радость в душу песнею вошла.
Затопила сердце, словно море,
И любовью нежной обожгла.

Уходили вместе на уроки,
Над Курьей бродили допоздна.
Ждали сына и считали сроки,
Выбирали лучше имена.

А когда грозой неотвратимой
Черной лавой хлынули враги,
Он сказал тогда своей любимой:
«Ты мне сына только сбереги!»

Постигал военную науку
Он в пехотном Омском без нытья,
Но опять беда пришла без стука
Подвела проклятая статья —

Пятьдесят восьмая, по которой
Был расстрелян по доносу дед.
Вышел приговор суровый, скорый:
В шахты. И другой дороги нет.

Он писал, что уголь добывает,
Обгоняя норму раза в два,
Что родимый край не забывает,
Что к семье любовь его жива.

В аварийной шахте на Урале
Попадал не раз он под завал.
Но всегда друзья его спасали,
Как и он друзей своих спасал.

Все Победа изменила круто,
Той Победы не было святей!
И светлее не было минуты,
Когда обнял он родных людей.

Снова школа, поиски, дерзання.
Мысль живую в детях он будил,
Чтоб добыть умели сами знания,
Чтобы каждый думал и творил.

Мы, отец, всегда тобой гордимся,
Жизнь свою мы строим по тебе.
Если в главном в нас ты повторился,
Будем благодарны мы судьбе!

ОЧНИСЬ, СТРАНА...

Безвозвратно ушло, укатилось
Прожитое в туманную мглу.
Люди, люди, что с нами случилось!
Где ворота открыли мы злу?

Кружит вороном молох наживы,
И никак нам беды не избыть.
Для того ли на свете мы жили,
Чтоб на все наплевать и забыть?

Чтобы по миру с нищей сумою
На коленях подачки просить?
Что же стало с моею страною?
Разве можно такое простить!

«Господа» понабили карманы,
Как бандиты с дороги большой.
Их богатства — на лжи и обмане,
Нет им дела до боли людской.

Лезет кверху сановная мразь.
Золотого тельца им мало...
Им бы властью натешиться всласть,
Чтоб страна вся к ногам их упала.

Ты могуча, родная Россия,
Сбрось ярмо подлецов и воров!
Будешь снова сиять горделиво,
Как сияла — во веки веков.

ВИДЕЛ Я: УМИРАЛ ПАРНИШКА...

Знал парнишку я одного.
Был, как все, только чуть ранимеей.
Был, как все, только чуть уязвимеей.
Как сейчас я вижу его.

Он однажды попал в беду —
Дрянью насильно ему вкололи.
А потом жизнь пошла в бреду,
Мать забыл и забыл о школе.

Нет на свете страшнее страсти.
Как мучительно он страдал!
Кто сегодня на гребне власти,
Вам его бы я показал.

Не сказать ни хореем, ни ямбом,
Как парнишке пришлось умирать.
Вам увидеть бы это, вам бы,
Сразу все бы смогли понять!

Хоть какую мы боль яви,
Помощь вся в словах утонет.
Вновь Россия сошла с колеи,
Но кого-нибудь это тронет?

Безнаказанно бродит смерть,
Всюду сеет свою отраву.
Сколько можно еще терпеть,
Ждать покуда найдут управу?!

Посмотри: вся страна в крестах.
На крестах — молодые лица.
Неужель на могильных пластах
Так и будем молчать и молиться?

Или вправду таков наш удел —
Ждать конца и не бить тревогу.
Чтоб последнего парня отпел
В церкви батюшка на дорогу?

Если больше любой войны
Косят жизни наркобароны,
Значит, хватит пустой болтовни,
Значит, надо менять законы!

И ПОЗАБЫТЬ МНЕ НЕ ПРИСТАЛО...

Они лежат передо мной
Корявым почерком написаны,
Лежат нетронутой стопой,
Безмерной злобою пронизаны.

Давно мне почерк тот знаком
По буквам, влево перекошенным.
Суров был сталинский закон,
И меры были ... «как положено».

Доносов жертв не сосчитать,
Они с войной одной сравнимы.
Могли бы многое сказать
Их безымянные могилы.

...Невелика деревня Тундрино,
Где церковь дремлет в вышине.
Как много там людей погублено,
Приснится только в страшном сне!

Был дед Роман — рыбак отменный,
Знал толк и в рыбе, и в сетях.
Донос, рассчитанный и верный,
Сгноил беднягу в лагерях.

Нет! Позабыть мне не пристало,
За что пол-Тундрино пропало —
Известных краю рыбаков,
Сибирских, крепких мужиков.

Проста методика доноса:
Нет фактов — фактики найдутся.
Свалить под силу им колосса,
И гаснут жизни — нервы рвутся.

(Конечно истина проснется,
Когда полвека пронесется).

Жива отрывка тех времен,
Богатых компроматом,
Хоть анонимщик заклеен,
И верим только фактам.

Уж так нежны мы с анонимом,
Уж так Фемида боязлива,
Когда под мерзкой маской грима
Его мы ощущаем зримо.

Меня одна волнует тема,
Читатель, вдумайся и ты:
Ну почему в героях Брема
Гораздо больше доброты?!

Отцам свое уже воздали.
На прошлом — только черный цвет.
Теперь идем в иные дали,
В какие? Трудно дать ответ.

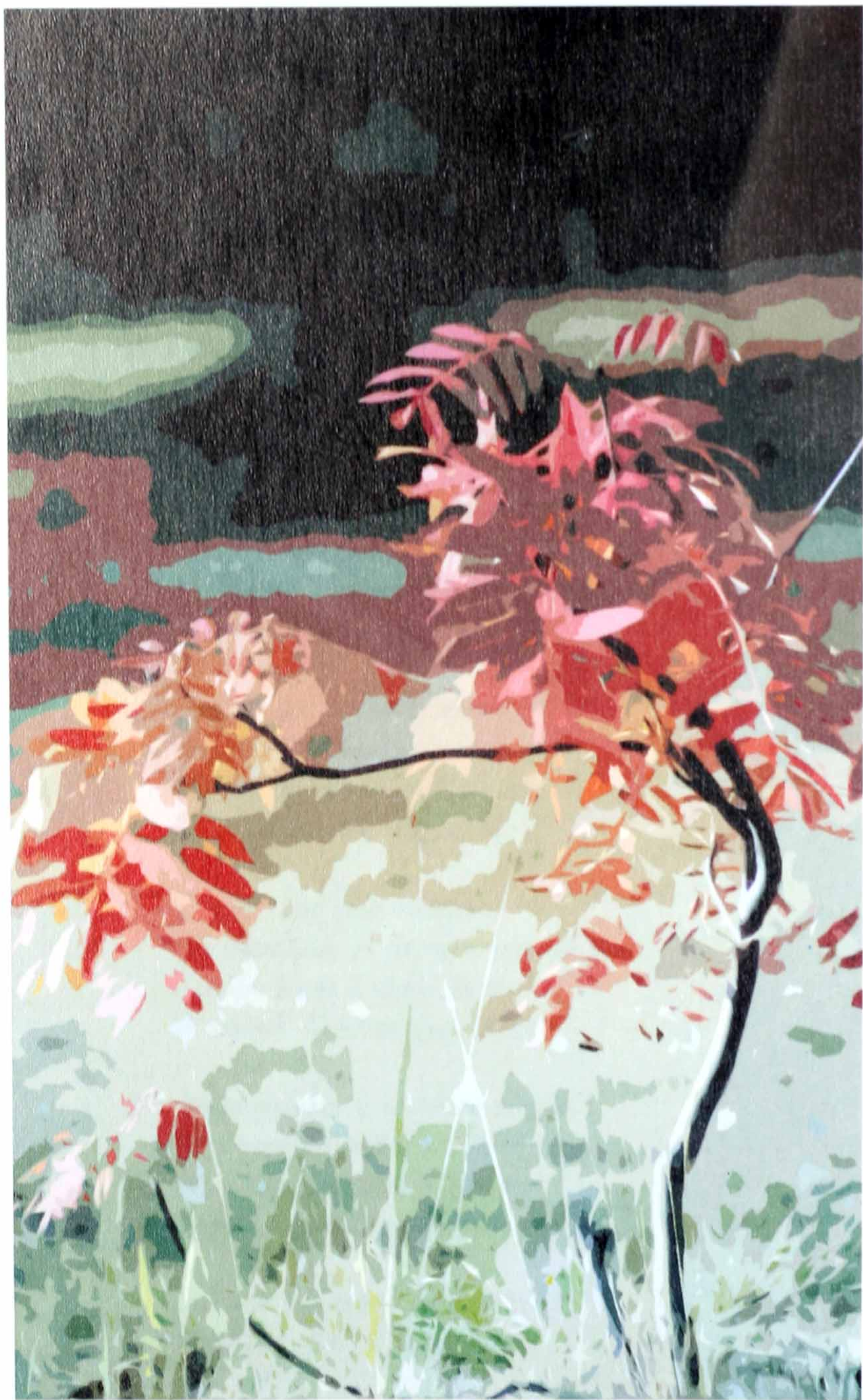
Легко судить с высокой кручи,
А может взглянем на себя?
А мы намного стали лучше,
Других ругая и кляня?

Наивен я в своей надежде:
Изменят что-то, мол, стихи,

Но только жить нельзя, как прежде,
Придет расплата за грехи.

Отбросив зависть, самомненье,
Презрев мирскую суету,
Забыв немое отчужденье,
Вернем былую чистоту!

Тогда исчезнут анонимы,
Когда сумеем стать иными.
Есть у любого поколения
Творить добро — предназначенье.

ВСЕГДА ТЫ С НАМИ

«Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле», —
Пропел Бернес когда-то песню в мае,
А ты ушел в холодном феврале.

Сегодня сорок дней — обряд прощанья.
Приди, отец, и к нам поближе сядь.
Твое мы помнить будем завещанье:
В согласье жить и слабым помогать.

Не поддавался ты судьбы ударам,
Навстречу людям сердце открывал.
«Среди долины ровныя» не даром
Своей любимой песней называл.

Ты видишь — все друзья твои собрались
Последней тризне почести отдать.
Мы так однажды только собирались,
Когда деревней хоронили мать.

Ушли вы оба. Крылья подогнула
Болезнь века — дикая гроза.
Подрубленной березой мать уснула,
И ты ушел за нею в небеса.

Друзей твоих — и пьющих, и непьющих —
Не сосчитать. Они по всей стране.
И нет для них, по-разному живущих,
Тебя сегодня ближе и родней.

Всегда ты с нами — с добрым умным взглядом.
Одно нам небо светит синевой.
Земля кругла, и мы с тобою рядом,
Храним твой сон и ранний твой покой.

Сейчас весна. Кубань в цветах и травах,
Но теплый край совсем тебе не мил.
Прости, отец! Как были мы неправы,
Предав земле не там, где ты просил.

Как прежде, церковь светится на взгорье.
Колышут кедры зеркало Курьи,
А по весне, в короткий миг безмолвья,
В высоком небе плачут журавли.

КАКОЕ СЛОВО ГОРЬКОЕ — ВОЙНА!

Вы уходили на войну.
Вас Обь родная провожала,
Вздыхала яростно волну
И плачем чаек горевала.

Как будто знала, что не все
С войны безжалостной вернутся,
Растают в огненной грозе
И нити кровные порвутся.

Вы столько мук перенесли,
Прошли свинцовые метели,
Россию-Родину спасли
И молодыми поседали.

Над Обью ласковый рассвет
Рассыпал гроздь золотые,
А у солдата сна все нет,
Пред ним — дороги фронтовые.

Судьба солдатская трудна.
Солдату чудится тревога.
Когда ж проклятая война
Пройдет, скажите ради Бога!

Мы тех, кто голову сложил,
Храним под сердцем близко-близко.
А тем, кто смерть презрев, дожил,
Сегодня кланяемся низко.

Какое слово горькое — война.
Какое слово гордое — Победа!
Не взрыв и смерть, а мир и тишина.
Не вечный мрак, а ликование света.

ВЫ — ПОГРАНИЧНИКИ

Сыну Роману посвящается...

Туманы, холода — далекие Курилы...
Весь в сопках Кунашир — особая Земля.
Любовью материнскою хранимы
Здесь служите вы, наши сыновья.

Бывает очень трудно вам порою,
Еще висит над миром тень войны.
Она не раз грозила нам бедою,
И люди погибали без вины.

Ни дождь свинца, ни ядерные тучи
Нас никогда не смогут запугать.
Пусть знает враг: сильны мы и могучи
И за себя сумеем постоять!

В родимый край со службы вы вернетесь,
В уют семьи и ласковый покой,
С друзьями, как на праздник, соберетесь
И встретитесь с любимой над рекой.

Вы — пограничники, страна глядит с надеждой
На остров малый, где алеет флаг.
Так есть сейчас, но было так и прежде,
На вас всегда смотрели только так!

СЛОВО О БАХИЛОВЕ

Я попробую, насколько в моих силах,
Рассказать, как дорог нам Бахилов.
Было с ним надежно и светло,
И людей всегда к нему влекло.

У него за внешней простотой
Мир таился сложный и большой.
Сплав ума, упорства, доброты
И душевной редкой чистоты.

Он мне видится в плаще-дождевике
У костра рыбацкого на стане.
На Баграсе и на Балыке,
И на поле в утреннем тумане.

Помним разных мы секретарей —
Многие достойны уваженья.
Но по человечности своей
Выше всех — Бахилов, без сомненья.

Помню, как вручал мне партбилет,
Как смотрел доверчиво и строго,
Как отец, напутствовал вослед
Сына перед дальнею дорогой.

Он себя ни в чем не выделял.
Все стремились на него равняться.
Он безмерно людям доверял,
А упавшим помогал подняться.

И когда Салманов молодой
Взламывал ворота нефтяные,
С ним стоял испытанный войной
Комиссар из города Ишима.

Он горел, он уставал безумно.
Он других на подвиг зажигал.
Кто сказал, что было очень трудно,
Тот и половины не сказал!

Шла в Сургут, казалось, вся Россия.
Шла Татария и шел Азербайджан.
Как не растеряться в той стихии!
Как устроить новых горожан!

Где они — автобусы, дороги?
Где жилье, больницы? Школы где?
Все решали люди, а не боги,
И Бахилов первым был везде!

Навсегда останется он с нами,
Пусть еще немало лет пройдет.
В честь героя улицу назвали,
Он в названии промысла живет.

Верю — каждый в сердце сохранил
То тепло, что людям он дарил.
В Первомай несут ему цветы,
Человеку сбывшейся мечты.

ПЕСНЯ О НЕФТЯНИКАХ

Вам, нефтяники, песню мы сегодня поем,
Вы ее заслужили нелегким трудом.
Вы спасали Россию в дни тревог и забот.
Подвиг ваш не забудет благодарный народ!

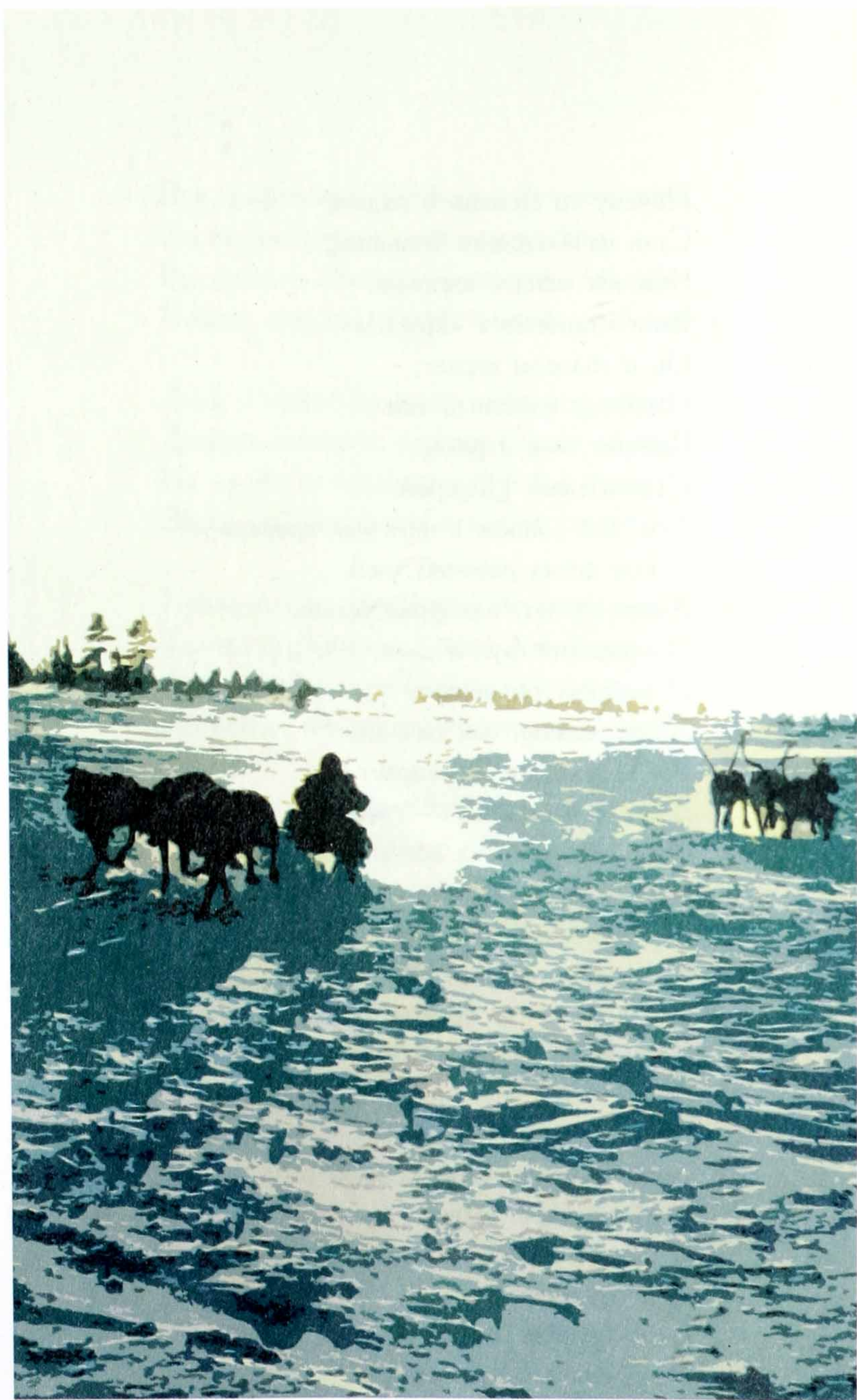
Днем и ночью на вахте нефтяник стоит,
Древним золотом черным страну он поит.
На югорских просторах буровые гудят,
Здесь рабочие парни легенды творят.

Проверяла на прочность вас метельная мгла,
Только справиться с вами она не могла.
Лютый ветер порой обжигал горячо,
Но всегда вы готовы подставить плечо!

Где под северным небом у великой реки
Малый город когда-то возвели казаки,
Здесь живет, молодеет нефтяной наш Сургут,
И дороги России все к Сургуту ведут.

ЧТО ДАНО — ТО НЕ ОТНИМЕШЬ

Почему-то сплошь и рядом,
Став начальником большим,
Человек меняет взгляды,
Вмиг становится «крутым».
Он и голосом играет,
Извлекая властный тон.
Говорит, как изрекает,
Новомодный Цицерон.
Тем, кто раньше с ним был вровень,
С кем делил рабочий хлеб,
Лишь кивнет, нахмутив брови,
И проходит глух и слеп.
И походку он меняет.
Ходит важно, как павлин.
Уж не смотрит, а взирает,
В худшем смысле — господин.
Он в глазах своих все выше.
Сам — судья и сам — закон.
Кто под ним — все ниже, ниже,
Их в упор не видит он.
Что дано — то не отнимешь.
Коль умен — так уж умен.
Вряд ли тем поможет имидж,
Кто талантом обойден.
Есть Солохин, был Бахилов —
О таких идет молва.
С ними мудрость, с ними сила,
А не громкие слова.
Было больше бы таких,
Не родился б этот стих!

МОИ КРАЙ

Край, где царствуют белые ночи,
Где заря обнимает зарю,
Край суровый мой, край рабочий,
Я от сердца с тобой говорю.

Мы открыли глубин кладовые,
Чтобы черпать могучей рукой
Все богатства твои вековые
Для страны, потерявшей покой.

Платят люди за щедрость добром,
Но иным мир живой не понятен.
И воюют с тайгой, как с врагом,
Покорители «белых» пятен.

Кедры жгут, разливают нефть,
Злобой гусениц ягель терзают,
Оставляют разор и смерть
Всюду, где их нога ступает.

Ты доверчив и ласков, мой край,
Как доверчивы лебеди белые.
Будь таким же, не умирай!
Люди добрые, что мы делаем?

Отчего вдруг такая грусть
В криках птиц и глазах оленьих?
Я об этом сказать страшусь:
Ждут от нас они избавления.

Не без роду мы, не без племени,
Нет у жизни людской конца,
Что оставим другим поколениям,
Что получит сын от отца?!

МЫ СЕГОДНЯ СЛОВНО ПТИЦЫ...

Птицы шли тропой небесной.
Крылья рвал упругий ветер.
Мир холодный, неизвестный
Им казался добр и светел.

Позабыты голод, бури,
И в глазах, как наважденье,
В зыбкой сумеречной хмури
Плыли Севера виденья.

Резко вскинулся ведущий
И к земле пошел внезапно.
Кто-то там, внизу живущий,
По гусям ударил залпом.

Крылья, крылья, донесите
До болотистых гнездовий.
Не предайте, дотяните —
Перья высохнут от крови!

Помоги, родное небо,
Удержи в своей ладони.
Разве сыном твоим не был,
Разве ждал я этой доли?

А земля все ближе-ближе.
Все ясней шатер лесов.
Стиснув клюв, как голос свыше,
Он любимой слышал зов.

Сжались крылья жалким комом.
Вспыхнул радужный сполох.
С хриплым клетотом, со стоном
Гусь вломился в белый мох.

Стая круг дала прощальный,
Захлебнулась в птичьем плаче.
День ненастный, окаянный,
Как тебя назвать иначе?!

Но роняя капли крови,
Боли крик превозмогая,
Воздух крыльями буровя,
Он рванулся вслед за стайей.

Кто не видел, как весною
Обжигаемый тоской,
Ополчась на все живое,
Мечет громы род людской!

Всюду выстрелы гремели,
Вожака судьба спасала,
Сквозь свинцовые метели
К небесам его вздымала.

Лишь заслышав говор стаи,
Близ земли, где был рожден,
У седых речных закраин
Он упал — не побежден.

* * *

Мы сегодня, словно птицы,
На огромном перелете,
И изменчивые лица
Нам грозят из—под крыла.

Одного хочу, Россия,
Чтобы в бурь круговороте
Ты нашла свою стихию,
Чтобы вечно ты была!

УШЕЛ В ДАЛЕКИЕ УРМАНЫ...

Олени жмутся в полумраке,
Тревогу чуя сквозь пургу —
Опять, как в яростной атаке,
Крушат бульдозеры тайгу.

Над ветхим чумом сосны гнутся.
По нервам бьет собачий вой.
А в душу ветры злые рвутся,
Но я пока еще живой.

Ушел в далекие урманы,
Чтоб жить законами отцов,
Чтоб тихо плавали туманы,
Кипела рыба у котцов.

Нас на земле осталось мало,
Однако, скоро все умрут.
Куда нас только не кидало,
Везде нефтяники найдут.

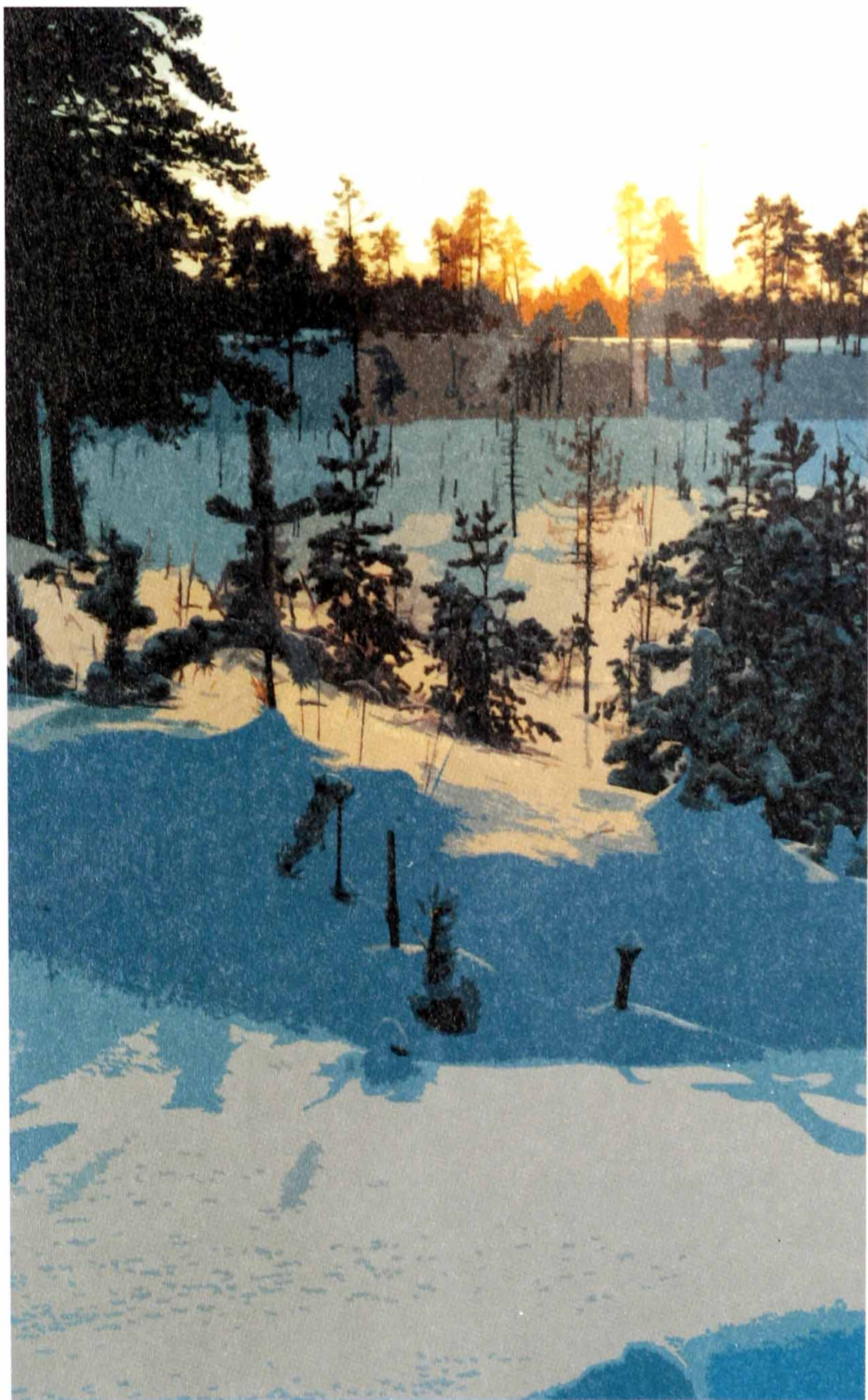
Все речки наши закопали,
Погибла рыба, нет зверья.
Не для того мы вас позвали,
Чтоб пухла с голоду семья.

Придем мы скоро к океану.
А дальше? Кончились пути.
Судьба моя — сплошная рана.
Исхода нет. Куда пойти?

Очнитесь, люди! Разве ханты
Не сыновья родной земли?
Есть и у нас свои таланты.
Они бы многое смогли.

Спасите что еще осталось.
Приди, заступник и борец!
Поймите, то, что с нами случилось,
Постигнет всех. Тогда... конец.

ПЕСНЯ ОТЧАЯНЬЯ

На белом ягеле брусника алая.
Природой сотканный лежит ковер.
Зашла в тупик тропа моя усталая,
Сжигает грудь пылающий костер.

Тушу его — он ярче разгорается,
И нету сил огонь остановить.
А может, это жизнь моя кончается
И время к «верхним людям» уходит!

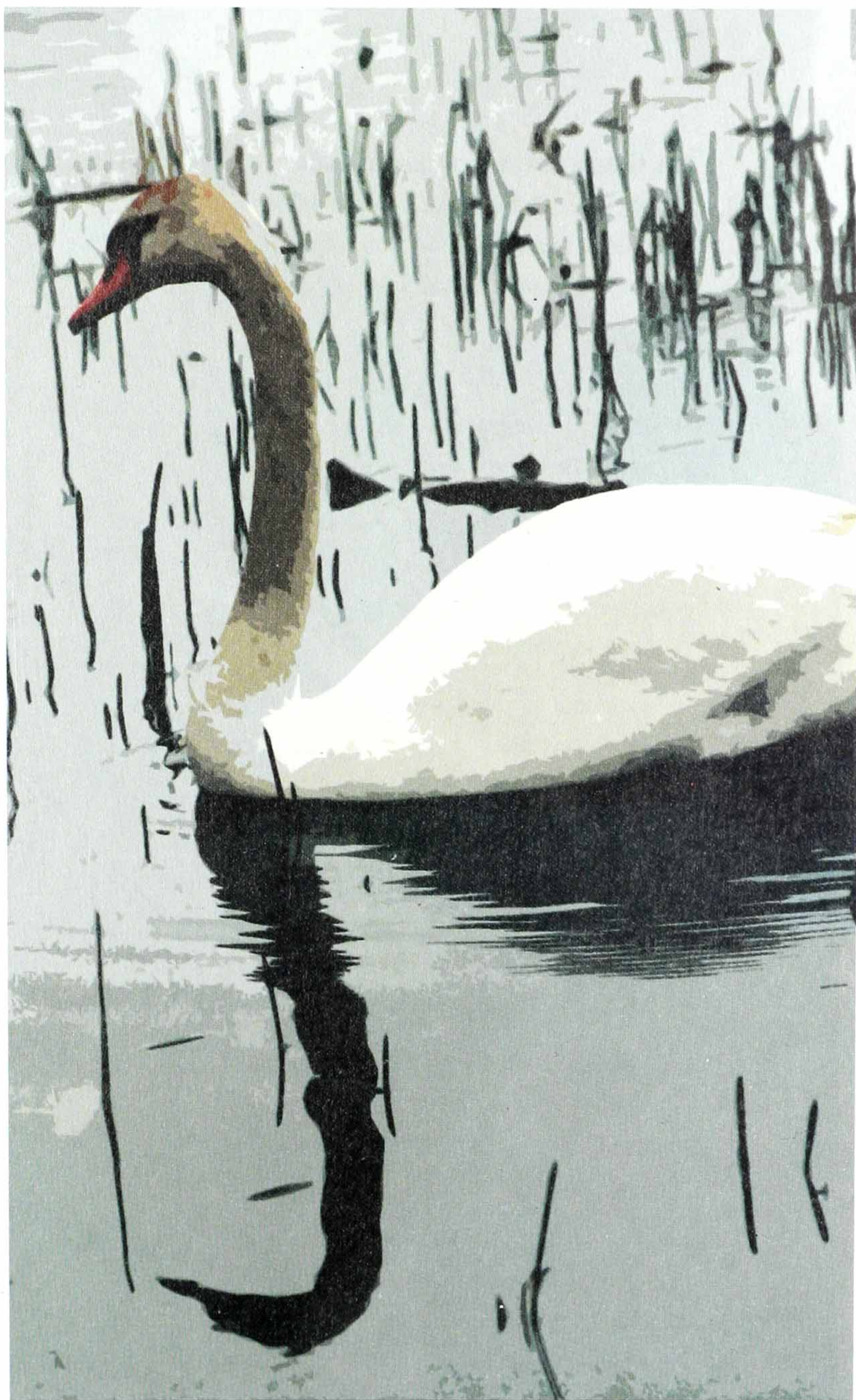
Зачем мне жить, когда тайга безмолвная,
Когда река застывшая пуста,
Когда кружатся в небе птицы черные,
Покрыты пеплом отчие места.

Никто уже к руке моей не клонится,
Не говорит мне самых нежных слов.
О господи, когда же это кончится —
Гул буровых, да пляска факелов.

Мы были все по-своему поэтами.
Любили мы поющую тайгу,
Спешили за весенними рассветами,
И вдруг... остановились на бегу.

Где кочевали мы путями древними,
Где мать-земля к нам щедрою была,
Где мы неслись упряжками оленьими,
Чужая трасса жизни пролегла.

На белом ягеле брусника алая.
Природой сотканный лежит ковер.
Зашла в тупик тропа моя усталая.
Сжигает грудь пылающий костер.

ЛЕБЕДЬ РЕЖЕТ КРЫЛОМ...

Элегия

Молвил сыну отец:
«Кто убьет лебедей,
Ждет печальный конец
Этих грешных людей.

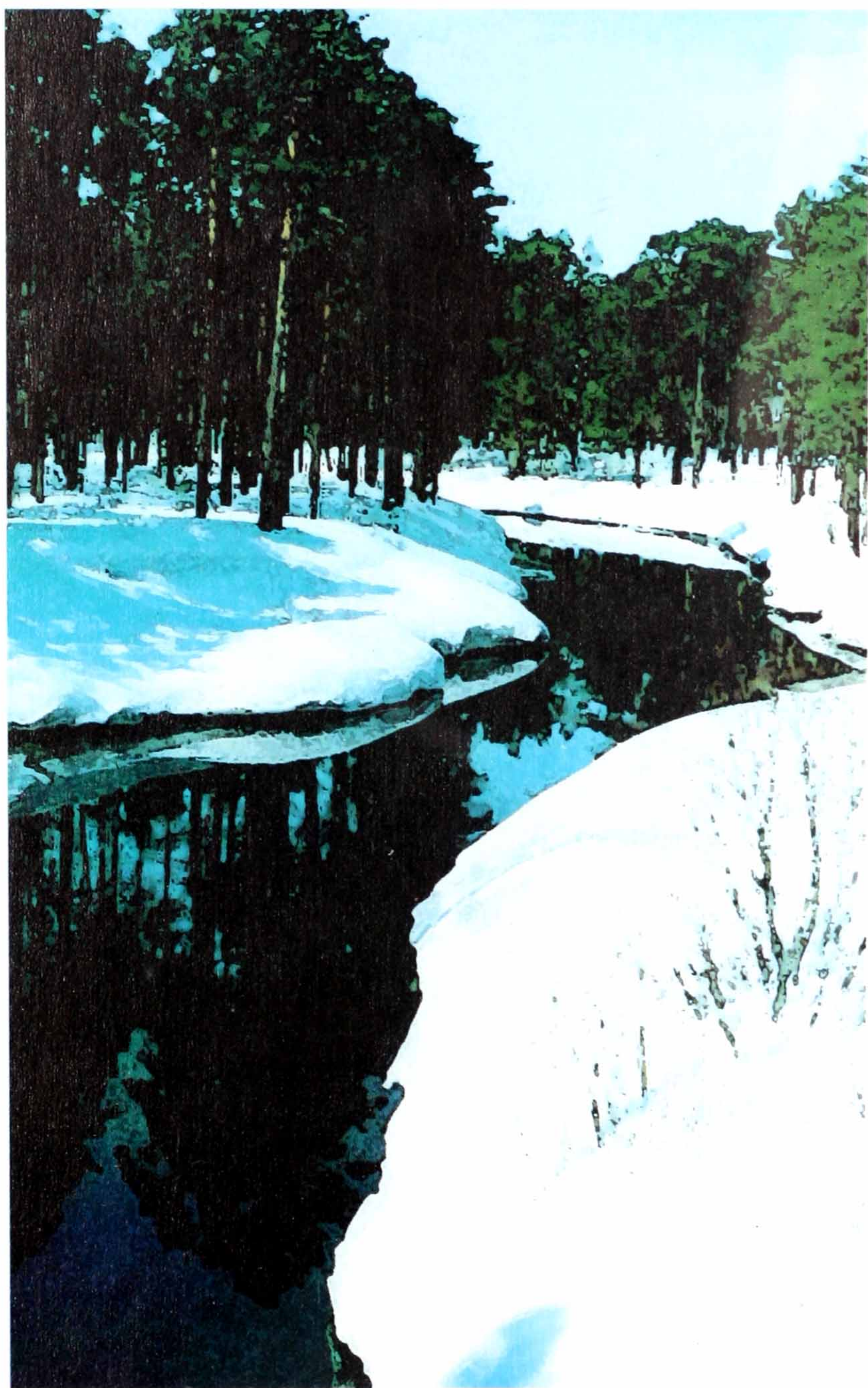
Иль случится беда
С кем-то близким, родным.
Не стреляй никогда,
Закажи всем другим».

Сын ответил отцу:
«Твои речи, как дым.
Верить мне не к лицу
Предрассудкам твоим».

И однажды весной,
Когда мир еще спал,
Грянул выстрел шальной,
Белый лебедь упал.

Шли недолго года,
Плыл охотник рекой.
Вдруг сомкнулась вода
Над его головой.

Лебедь режет крылом
Неба синюю гладь,
А над скорбным холмом
Наклоняется мать.

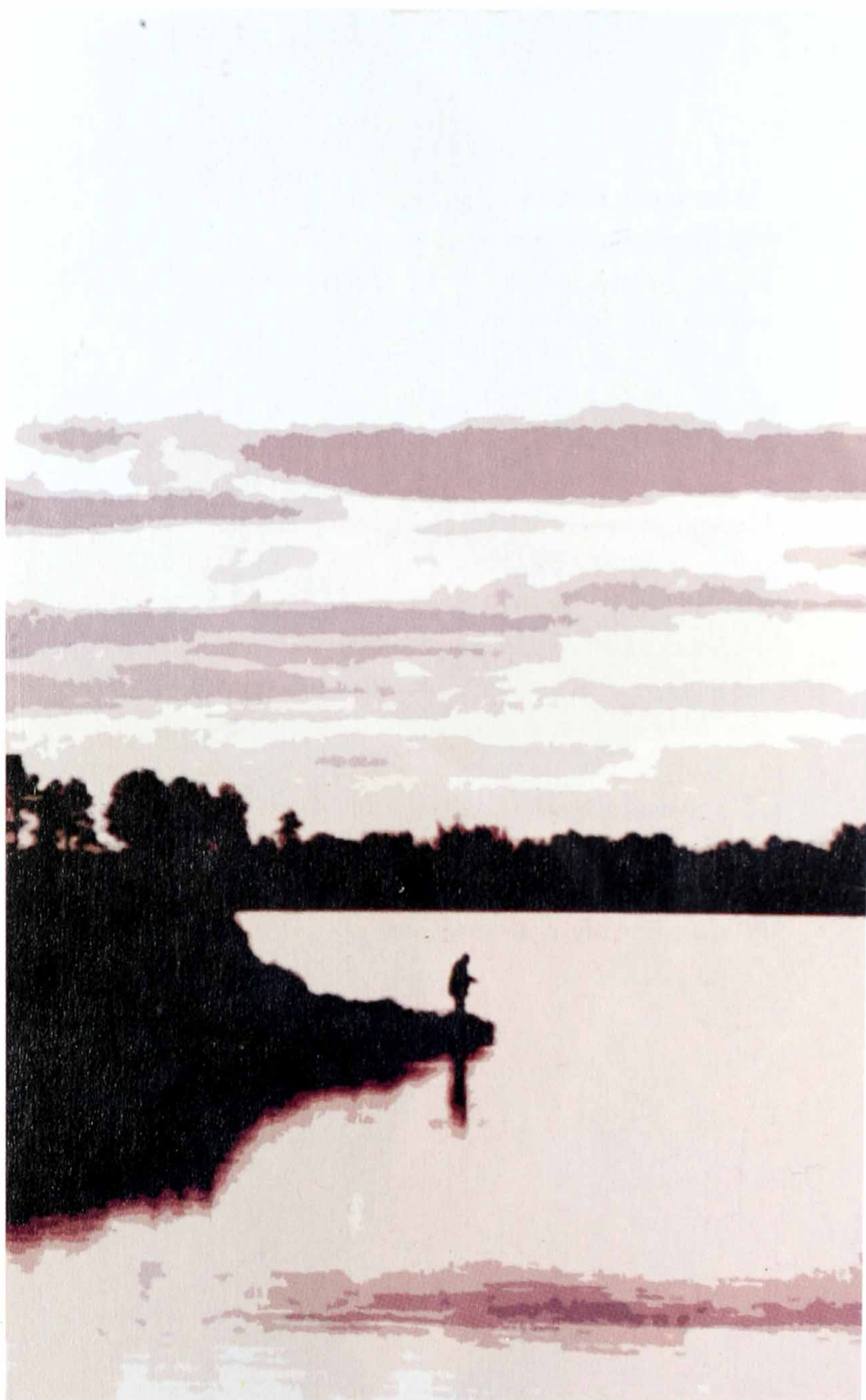
ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Долго воют метели на родной параллели,
Когда северный ветер даже душу студит.
Мы за зиму, наверно, все чуть-чуть постарели,
Но дыханье весны нас опять молодит.

Как зубцы крепостные, пихт вершушки застыли.
И крадется сквозь ветви долгожданный рассвет.
Я дрожу и волнуюсь в майской утренней стыни,
Словно вытянул нынче счастливый билет.

Что за чудо, за диво! У реки говорливой
Слушать крики гусей, журавлиных станиц.
Над обскою равниной, над осиновою гривой,
Все безумствует в небе, не зная границ.

И с душой окрыленной, с силой вновь обретенной
Каждой клеткой вбираю обновления приход.
В этом мире подлунном, до поры затаенно
К краю отчему с детства любовь в нас живет.

ПОВЕЛО ПОПЛАВОК...

*«Боги не засчитывают в счет жизни
время, проведенное на рыбной ловле»*

Древняя ассирийская мудрость.

Тайный мир рыбака
Не познать никому.
Знает только река,
Что открылась ему.

Повело поплавок —
Сердце дрогнуло в такт.
Снова сильный рывок —
И ликует рыбак.

За красавца-язя
И полжизни не жаль.
Или может, друзья,
Я хватил через край?

Вот хитер он и мудр,
Бьет хвостом в тишине.
И горит перламутр
На его чешуе.

Что мне холод и снег,
Что мне ливень и мрак!
Я, как все, человек,
Но еще и рыбак.

Счастье даже не в том,
Чтобы рыбу поймать.
Счастье вовсе в другом...
То не просто сказать.

В чистом лоне реки
Разбрелись облака,
И в росе тальники
Сторожат рыбака.

Теплый дым от костра
Навевает покой.
Буду рад до утра
Слушать шепот речной.

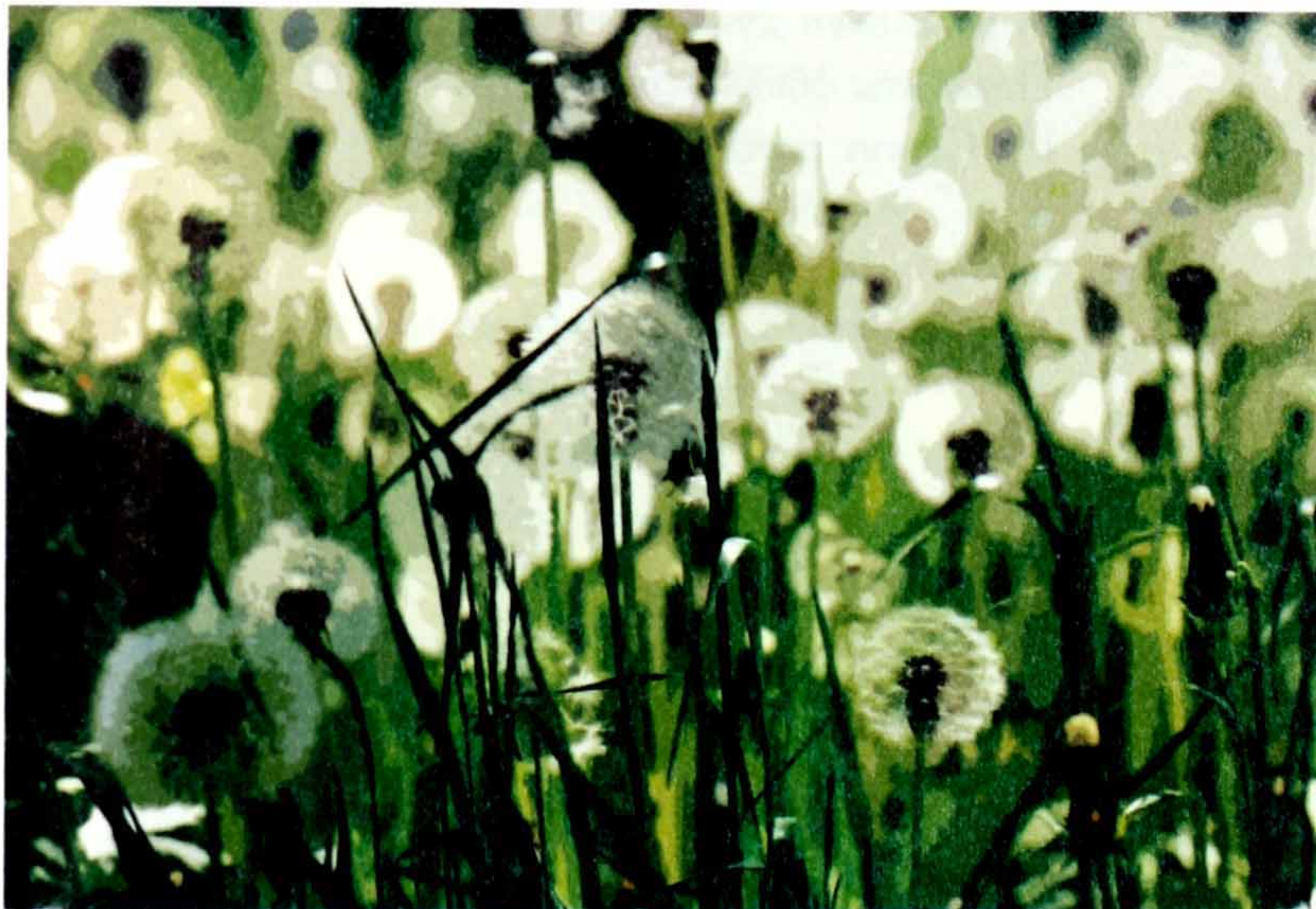
Много мудрых забав
Изобрел человек.
Но, рыбалку избрав,
Вы продлите свой век.

ЖЕНЩИНАМ СУРГУТА

Пусть судьбы капризной превратности
С зимней вьюгою уплывут.
Голубые весенние радости
Пусть вам песни свои споют.

Песни добрые, песни нежные,
Те, что хочется слышать вам.
О любви, словно Обь безбрежная,
Что вместить не дано словам.

В ночи лунные звезды катятся,
И мечта спешит за мечтой.
Если дети во сне улыбаются,
В сердце матери — теплый покой!

Все проходит, но песнь колыбельная
Остается у нас навсегда.
Незабвенная, сокровенная,
Не стирают ее года.

Вы сегодня такие счастливые,
Что готовы вот-вот взлететь
Даже самые молчаливые
Соловьем бы могли запеть.

И глядим мы на вас в изумлении,
И способны одно шептать:
Это ж надо, такое творение
Мать-природа сумела создать!

Пусть вам вспомнится берег ласковый,
Трепет листьев над головой.
Луг цветущий, манящий сказкою,
Небо с дивною синевой.

Ароматом цветов овеяна
И волненьем душа полна.
Позабыты обиды, сомнения —
На Сургут опустилась Весна.

О МНОГОМ ЛЮДЯМ ТЫ ПОВЕДАЛ

Другу моему Ивану Захарову
в день 70-летия

Иван Прокопич, жизнь зовет:
Не надо юбилейной грусти.
Твой челн судьбы вовсю плывет
И далеко еще до устья.

Заторы были и пески.
Не раз вздымались волны круто.
Ты всем преградам вопреки
Вошел в историю Сургута.

Твоей безмерной добротой
Наш край воистину согрет.
И веет чудной простотой
От всех трудов твоих, поэт.

Не знаю озера иль бора,
Не знаю кедра иль рябины,
Не знаю речки или сора,
Чтоб не были тобой любимы.

Ты был на Майском и Озерном,
И в Тром-Агане, и в Ямском,
И на Мысу работал Черном,
Был комсомольским вожаком.

А уж газета... Эх, газета!
Ты ей полвека посвятил.
Ты без нее не мыслил света,
Газетный труд боготворил.

О многом людям ты поведал
И сердца жар им передал.
Ты летописцев-краеведов
Себе на смену воспитал.

Иван Прокопъич, жизнь зовет:
Не надо юбилейной грусти.
Твой челн судьбы вперед плывет
И далеко еще до устья.

УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

З.А. Ромашко посвящается...

Где сошелся клином бѣлый свет,
Где обские ветры яр качают,
Где весной черемуховый цвет
Всю деревню снегом осыпает,

Средь берез высоких, чистых рек,
В домике по улице Советской,
Здесь живет чудесный человек
С мудрою душой, с улыбкой детской.

Для нее дорожке школы нет,
Школьный мир ей близок поныне.
Каждый ее лаской обогрет,
Все ребята для нее родные.

Много лет детей она вела
Трудными дорогами познания.
Вместе с ними счастлива была,
Открывая тайны мироздания.

Радость озаренья и удач,
Память ее свято сохранила.
Были и минуты, что хоть плачь,
Но они прошли куда-то мимо.

А теперь на Вы я перейду:
Есть таланты, что даны от Бога.
Вам судьба писала на роду
Обрести призванье педагога!

Все вас знают, любят, берегут,
И помочь Вы каждому готовы.
С радостью и горем к Вам бегут,
Чтоб услышать правильное слово.

Вы и старым людям первый друг,
Очень им теперь нужна поддержка,
Потому уже в который круг
Улицей идете деревенской.

Вы, как прежде, молоды сейчас,
Разве скажешь все в стихотворении!
Есть у Вас немеряный запас
Сил и благородных устремлений!

СКАЗАНИЕ О ВЫСОКОМ МЫСЕ

Исполнено всегда суровым смыслом
Все то, что испытать пришлось сердцам:
Венчала власть крестьян с Высоким Мысом,
Ломая жизни дедам и отцам.

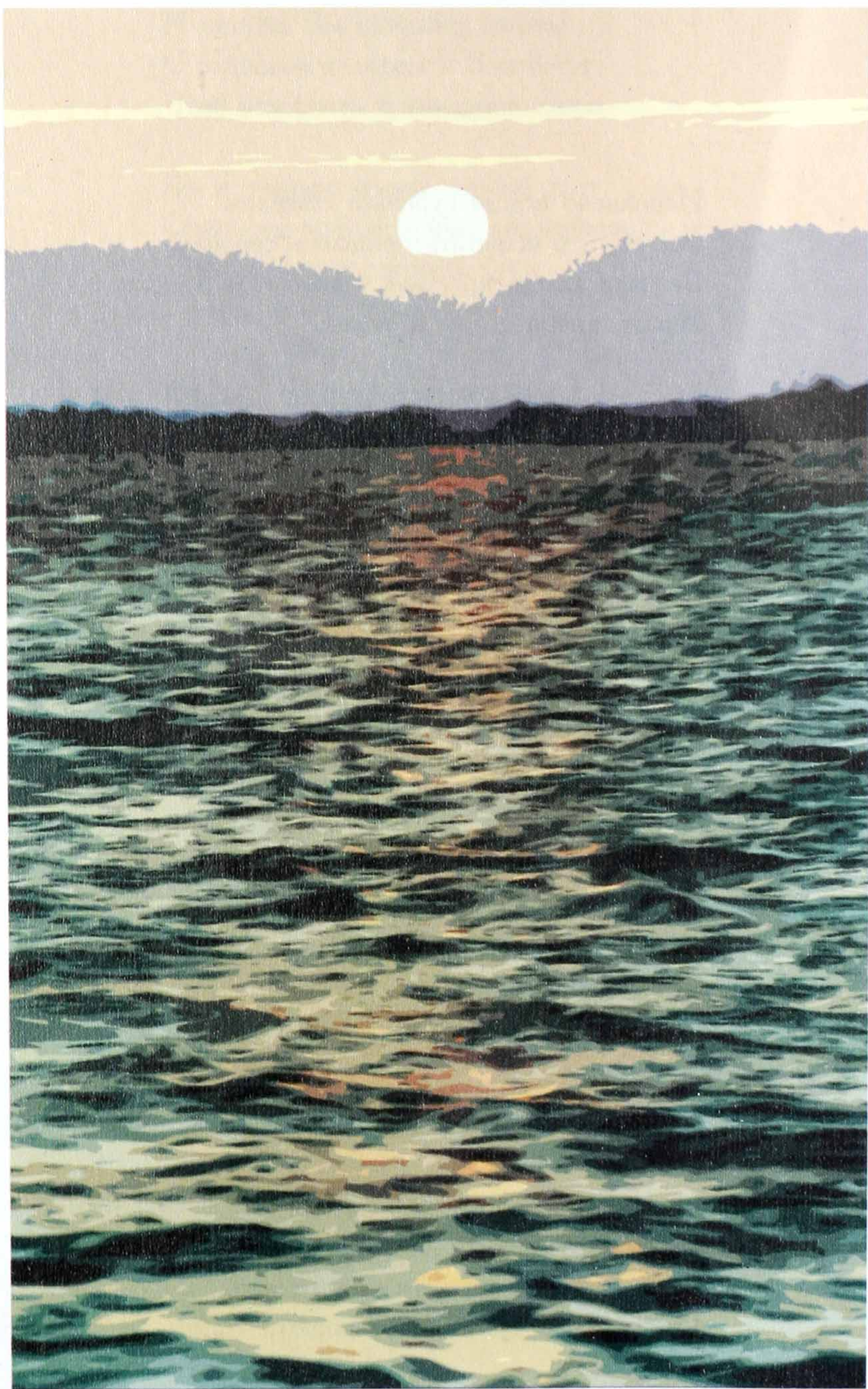
На яр крутой, в кольцо лесов дремучих,
В тридцатый год ссылали кулаков.
Так называли тружеников лучших,
Умелых и толковых мужиков.

Их много оставалось на погостах,
Когда везли насильно в край чужой.
Их гнали дико, буднично и просто,
Как гонят скот послушный на убой.

Дошли, добрались с муками и горем.
Тайга да комары — и впору выть,
Но человек наш русский так устроен,
Что ни с каким на свете не сравнить.

Где лес шумел, поля раскорчевали
Своим горбом, пилой и топором.
Дневали в тех полях и ночевали
И ждали — дальше все пойдет добром.

Но на Руси такого не бывало,
Чтоб вдруг зажили люди хорошо.
Опять «врагов народа» много стало,
И на распыл опять народ пошел.

Потом война. Как вынесли лишения,
Как с фронта ждали писем — не забыть!
В глухом тылу ходили, как в сражение,
Готовить лес, пахать и неводить.

Здесь собрала тяжелая година
Калмыков, украинцев, молдаван.
Нас всех беда сплотила воедино,
И каждый все для фронта отдавал.

Но и с Победой ссыльных не простили,
Их не простил великий наш кумир.
И коменданты строгие следили,
Как жил мужик в колхозе «Новый мир».

За трудодни копейкой награждали
И против ничего не смей сказать,
И паспорта совсем не выдавали,
Не разрешали с Мыса уезжать.

Все лечит время, и уносят годы
Сырых землянок сумерки и чад.
Дивятся иноземные народы:
Их бьют — они по-прежнему стоят.

Другая нынче началась эпоха,
Но как бы крылья вновь не опалить!
Мы жить хотим нормально, а не плохо
И от души работать и любить.

Растет поселок, и придет дорога.
И новый клуб уже недолго ждать,
А во дворах машин теперь так много,
Что не сумеешь сразу сосчитать.

К полям забытым тропы протоптали,
И церковь обновленная живет.
И новый мир, о нем отцы мечтали,
Быть может, вправду нас не обойдет.

И Обь — река, что помнит год тридцатый,
Увидит не во сне, а наяву
Высокий Мыс — счастливый и богатый
И улыбнется в синюю волну!

Желаю вам, мои односельчане,
Во всех делах успехов и добра.
Пусть солнце жизни греет вас лучами
Теплей, чем раньше грело, чем вчера!

НЕ БЫВАЕТ СТИХОВ БЕЗ ЛЮБВИ

Не пиши стихи, когда не любишь,
Выйдет стих, поверь мне, никакой!
Ты тогда в себе поэта губишь,
Оставляешь сердце за строкой.

Не пиши стихи, когда разлюбишь,
Женщину с холодной красотой.
Не жалея — с другой счастливым будешь,
Озорной, веселой и простой.

Не пиши о том, чего не знаешь,
И в угоду сильным не пиши.
Что уйдет — навеки потеряешь,
Мыслью прежде рифмы дорожи!

Напиши стихи, когда полюбишь
Этот мир прекрасный и большой.
Нить стиха ничем не перерубишь,
Если выткан любящей душой.

Напиши стихи, когда полюбишь,
Шепот звезд и лебединый зов.
Напиши стихи, когда разбудишь,
Ранним утром таинство лесов.

Напиши стихи, когда полюбишь,
Ту, чей образ в муках создавал.
Жар души годами не остудишь,
Коль любовь стихами воспевал!

Напиши стихи, когда услышишь,
Первый крик и первый детский смех.
Чем живем и что дано нам свыше —
Не писать об этом просто грех!

Напиши, как Родина бунтует,
Разрывая узел вечных бед,
Как она и плачет, и ликует
В дни давно одержанных побед.

...Я пытаюсь следовать советам,
Но к стихам дороги нет прямой:
О зиме стихи приходят летом,
А о лете пишется зимой.

ОЧЕРКИ

МАТУШКА-ЦЕРКОВЬ СТОИТ...

В тихое утро ранней осени бреду по тундринскому бору излюбленной завьяловской дорогой. Вглядываюсь в причудливое переплетение обнаженных корней могучих кедров, и набегают беспокойные мысли: «А не так ли и в нашей жизни? Разве не так же переплетены и связаны людские судьбы? Разве не так же страстно тянется к солнцу каждый живущий на Земле, чтобы вырвавшись из тени, ухватить хоть капельку благодатного тепла!»

Каждый тянется, да не каждый дотягивается! И много тому есть причин...

Недвижен лес, не шелохнутся зеленые кедровые лапы. На всем лежит печать раздумья и ожидания чего-то необычного.

И оно приходит, приходит мощно и торжественно, и замирает душа, потрясенная до края. Откуда-то издалека, словно что-то нереальное, рожденное из небытия, наплывает праздничный колокольный звон. Ширятся и растут звуки, обнимая всю округу, подчиняя все своему магическому влиянию. И из глубин забытого детства возвращается светлое умиротворение, навеянное бабушкиными рассказами о первопрестольных праздниках и непередаваемых колокольных перезвонах.

Ускоряю и без того быстрый шаг, и вот она — белоснежная красавица — Тундринская церковь.

Многое перевидел этот храм за свою более, чем столетнюю историю. Построенный на самом высоком месте трудами прихожан на их пожертвования гордо смотрит он на улицы старинного села, на синие волны Курьи и могучей Оби, на пышную ленту кедрового бора. Все взято здесь под защиту и покровительство церкви.

С первого дня освящения радовала она людей кипенно ослепительной чистотой и строгой статью своей.

Любовались церковью рыбаки и охотники, возвращавшиеся с промысла с богатой добычей. Любовались ханты, приезжавшие из дальних пимских угодий на таком множестве оленей, что их рога торчали, как частокол, во всех улицах. Недаром и на тамге (печати) Тундринской управы

красовались тетерев и олень. Любовались пассажиры колесных пароходов, бороздивших обские воды.

Помнит церковь веселые праздники и гулянья, разные помнит события, добрые и печальные, из жизни многих поколений тундринцев.

И стоять бы ей так вечно и служить местом общения с богом для всех, кто верит в добро и справедливость!

Но начались потрясения, которые привели божий храм к запустению и надругательству. Как голова казненного, упал на землю церковный колокол. Видела церковь, как брат шел на брата, как гибли правые и виноватые, запутавшиеся в междоусобной борьбе.

Видела, как в последний раз ехал на лошади за сеном комсомольский вожак Дмитрий Лукичев. «Смилостивились» колчаковцы, разрешили молодому парню напоследок помочь семье. А когда вернулся, расстреляли его вместе с братьями и друзьями-коммунарами. И скрыться ему было нельзя, иначе погубили бы всю родню.

Помнит церковь и расстрел бойцов-красноармейцев из отряда Шимова, попавшего в засаду. Помнит, как замучили и утопили в проруби комсомолку Веру Зорину. И лежат они рядом в братской могиле.

Помнит тундринская церковь и окаянные 37-38 годы, когда арестовали лучших рыбаков и охотников села и расстреляли в Ханты-Мансийске как врагов народа. Был в их числе и мой дед, Роман Гаврилович, бригадир лова.

Помнит церковь и тяжкие годы войны, и весенний праздник великой Победы. Сколько было радости и сколько выплакано слез!

А потом, уже на моей памяти, тянулись через деревню серые колонны заключенных, и скорбно провожала их церковь. Иногда останавливались они на ночевку на постоялом дворе и в сельской школе. Обычно эта жуткая серая лента вливалась в деревню зимними сумерками, а уходила на рассвете. Шли по бокам конвоиры в дубленых полушубках. А мы на утро, входя в класс, всем ребячьим сердцем чувствовали надвигающуюся на этих людей опасность и отвечали невпопад на вопросы учителей.

Помнит церковь и митинг, когда хоронили председателя сельсовета Кайдалова Степана Ефимовича, которого каждый знал и глубоко уважал. Играл на февральском морозе духовой оркестр, невиданный в наших краях, и эхом отдавались в бору слова прощания.

Помнит церковь и то, что стерлось и исчезло из зыбкой человеческой памяти и что, к сожалению, нам уже не дано узнать.

Шли годы. Окончилась эпоха репрессий, деревня зажила в обычных хлопотах и заботах. И сочувственно глядела обезглавленная церковь, превращенная в клуб, на труды селян, не приносящие достатка.

Увидела церковь и небывалое наступление на таежный край, когда закипела Обь от множества судов, заполонивших ее, когда пошли на Омск первые баржи с сибирской нефтью.

А дальше началась Перестройка с ее метаниями и неразберихой, когда одни обогащались, а другие нищали.

Но верит человек в лучшие перемены, так уж он устроен! И, может быть, они все-таки наступают, эти робкие перемены к лучшему?

Начинают возрождаться заросшие бурьяном поля. И открылись врата обновленной тундринской церкви. Той церкви, где крестились и венчались деды и прадеды, где слышали они последнее напутственное слово.

Сияет церковь на радость всем страждущим, кто ищет утешения и успокоения в ее стенах, и благодарит тех, кто вернул ей первозданную красоту и величие.

Дай Бог, чтобы не рождались на Земле разрушители, а было бы побольше созидателей. Дай Бог, чтобы каждому живущему хватило места под солнцем!

ЗОРИ ВЕСЕННИЕ НЕПОЗАБЫТЫЕ

Как сейчас, вижу живые картины раннего послевоенного детства. И одна из самых незабываемых — ловля уток в плохях. При воспоминании об этом увлекательнейшем промысле меня охватывает нестерпимое волнение. И хочется немедленно вырваться из шума дымных городских улиц и бежать, не чуя ног, в заповедные места, что рядом с родным селом Тундрино.

Но лучше обо всем по порядку.

В то трудное время, когда еще и хлеб выдавался по карточкам, когда нужду терпела каждая семья, всех жителей района спасали дары щедрой северной природы. Тундринцам в этом отношении особенно повезло. С южной стороны полукольцом охватывает село богатый кедровый бор, с северной — обильная рыбой Курья, за которой синее Обь с ее многочисленными песками и протоками.

Конечно, последствия войны сказывались буквально на всем укладе деревенской жизни. Люди трудились, не жалея сил, хотя заработки были очень невелики. Мало чем отличался достаток тундринцев, занятых в рыбацкой артели, носившей имя Сталина, от тружеников колхоза «Новый мир» в соседнем селе Высокий Мыс или Тундринского рыбоучастка, прославившегося своими уловами как в военные, так и последующие годы. Все, от мала до велика, ходили в ватных телогрейках-фуфайках, и лишь редкие счастливики щеголяли в пальто и полушубках. А уж о нас, мальчишках, и говорить нечего. Выдавались каждому на все лето одни, сплошь залатанные штаны, обувь же в теплое время считалась роскошью. Босиком начинали ходить сразу, как сойдет снег и немного прогреется земля, и так до середины сентября, до первых холодов. Зато получали такую закалку, что редко кто простывал и болел. Зато могли, не морщась, бегать по скошенным лугам, не поранив ноги о стерню.

По вечерам, уже в поздних сумерках, зажигали керосиновые лампы. При их тусклом свете готовили уроки и читали, но не засиживались допоздна, потому что взрослые рано их тушили, жалея керосин. Об электричестве только мечтали.

К весне во многих домах заканчивались картошка и мясо, да и рыба после зимнего замора на Оби водилась далеко не в каждом доме. Сколько было радости, когда макали за столом картошку в соль и постное масло или рыбий жир. О фруктах и представления не имели.

И все грезили весной, ждали ее, мучаясь бессонными ночами. Вспоминали бесчисленные рыбацкие и охотничьи приключения. Кто чинил сети, кто пристреливал ружье и заряжал патроны, кто налаживал перевесы и смолил обласа и лодки.

Об охотниках на уток говорили с легким пренебрежением, мол, зря переводят патроны. В одиночных чирков и других мелких уток не стреляли, пока не сплывутся на выстрел две-три птицы - «пару́ли» или «трой-ли». Зато большим уважением пользовались завзятые гусевальщики, в первую очередь, Помелов Иосиф Семенович, председатель рыбартели, и Редикульцев Федор Ильич из деревни Сармановка. Привозили они с весновки в удачные годы по 150-200, а то и 300 гусей. А в 1947 году, по свидетельству старожила и заядлого охотника, влюбленного в наш край, Целикова Октябрина Ивановича, председатель И.С.Помелов настрелял аж 700 гусей. Половину из них он сдал в местный рыбокооп. Видимо, этот рекорд так и остался непревзойденным в гусиной охоте.

Не менее популярным и уважаемым промыслом в те годы была повсеместная ловля уток перевесами в плох́ах. Хорошими веснами умелые ловцы добывали до полутора-двух сотен уток. Их, как и гусей, вялили, солили и коптили впрок. Семьи в те времена, не в пример нынешним, были весьма многочисленными, и запасы уток старались растянуть на все лето, до осенней охоты.

На этом виде промысла я и хочу остановиться подробнее.

Перевес — мелкая сеть-сороковка шириной и высотой от 15 до 17 метров — устанавливался в местах наибольшего перелета уток. Для этого поперек высокой гривы, окруженной речками и озерами, вырубалась просека — плох́а. По краям плохи на растяжках ставились журавцы — высокие жерди — слег с блоками на верху, через которые пропускались шнуры для поднятия и опускания перевеса. Шнуры эти назывались вожжами. На высоте человеческого роста под перевесом, на всю его ширину, укреплялась на кольях крупная сеть с ячейей около полуметра — подтон (поддон), образуя при падении перевеса мешки, в которых запутывались утки.

Ловили перевесами, в основном, женщины, старики и дети. А «мужики в силе» тем временем занимались рыбной ловлей, ведь шла самая добычливая весенняя страда.

Устраивались плохи как на своей стороне, так и за Обью. Те, чьи плохи были за рекой, забрасывались туда со всем необходимым имуществом еще по льду на лошадях. Там и оставались до свежей воды, до ледохода, а лошадей отправляли обратно. Ближние, «домашние» плохи, располагались по речке Яскиной, примерно в 6 километрах от Тундрино. Здесь было 7 плох, все они носили имена владельцев: Кайдаловские (Градские), Маневинские, Федуловские, Торопчиновские, Завьяловские, Замятинские плохи. По протоке Перетоп промышляли братья Щепеткины — Григорий и Василий. Их плоха называлась Пашенькиной, по имени матери.

Обские плохи находились напротив рыбоучастка, в основном по протоке Солдатка, что течет в Обь из реки Пим. Назывались они Крадинские, Красные, Квашнинские, Федоровские, Нараинские. «Весновали» в этих плохах семьи Н.К.Пименова, И.Т.Слинкина, К.Г.Шевелева, А.И.Гришечко, а также Коваленко Михаил с сыновьями и Валентином Прохоровым.

Добыча уток давала весомый прибавок к семейному столу, но не каждая семья была в состоянии иметь свою плоху. Недавно прошла война, во многие семьи не вернулись кормильцы, да и чтобы сделать хороший перевес и обустроить плоху, требовалось немало умения и сноровки. Не каждому это было под силу. Перевесы недешево стоили, их берегли, и они служили много лет. Плохи из поколения в поколения передавались по наследству. Некоторые владельцы плох по различным причинам (занятость, слабое здоровье) сдавали их на время желающим, причем обычно бесплатно. К примеру, семья Целиковых промышляла в Кайдаловской плохе, принадлежавшей Степану Ефимовичу Кайдалову, председателю сельсовета. Нередко «перевесчики» делились добычей с соседями, не имевшими плох. Люди в то время, несмотря на трудное житье, помогали друг другу всем, чем могли.

И вот наступало заветное время. Еще случаются снежные бури, а по небу с радостными кликами уже плывут, как белые корабли, первые лебеди. Тянутся вслед за ними косяки крупных гусей — буряков.

А на речных живунах счастливчики уже полюбовались брачным нарядом крякв — селезней.

Значит, пришла пора, окончились томительные дни ожидания. У всех жителей деревни какое-то приподнятое суматошное настроение. Идет завершающая подготовка к первому походу в плохи, и каждый стремится внести в нее свою лепту. Мы, мальчишки, делаем все, чтобы угодить родителям и вырваться на утиную охоту.

Наконец, отряд выступает. Впереди отец, крепкий, высокий, похожий на цыгана, за ним бабушка моя Анна Петровна и тетка Мария. Я, семилетний пацан в неуклюжих, сваливающихся броднях, иду замыкающим. Доходим до Перетопа, пока еще нешироко разлившейся протоки. Перебираемся через него по старому неводнику. (Позже здесь установят «перетягу» — лодку с двумя шнурами от берега до берега). Рядом, рукой подать — Яскина речка. Преодолеваем и это препятствие, и скоро, усталые, усаживаемся на лавку в избушке, в таком теплом и родном приюте. Торопясь и обжигаясь, пьем чай, заваренный ветками смородины, и бежим в плоху. Подновляем прошлогодний скрадок, устроенный на краю просеки. Рвем старую траву, устраивая поудобнее свое гнездо. Вот и перевес поднят, и вожжи от него закреплены на палочке-роженке. Все готово. Главное теперь — вовремя выдернуть роженку, чтобы перевес опустился в нужный момент. Опоздаешь — утки ударятся в натянутый, как стена, перевес и «пробьют» его или уйдут в сторону. Потому и опускается перевес на сажень от приближающихся птиц. Тогда он накрывает их и падает на подтон.

Отец дает последние напутствия и уходит ставить сети. Мы с бабушкой остаемся вдвоем. Тетке Марии выпало кашеварить в избушке.

Солнышко еще ходит высоко, и делать нам пока нечего. Отовсюду доносится залихватый пересвист больших и малых птах, устраивающих свадьбы, неистовое блеяние козодоев — «поднебесных барашков», пикирующих с высоты.

Жую завалявшийся в кармане ржаной сухарь, а бабушка, великая рассказчица, «бáхарит» о житье-бытье. Разговор ее часто перемежается словечками и выражениями, которые понятны далеко не каждому. Это свой местный говор — язык, унаследованный от предков-казаков и разбавленный приезжими поселенцами из необъятной России.

«Ты, Валька, как перевес опустим, беги по́сох в голову и пулей уток имай. Да не канителься, голову им сразу закусывай». Посидит и опять: «А чё ты ногами скёшь, ну-ка снимай бродни. Пошто ноги-то у тебя ю́ша-ю́шей, полнехоньки воды. Будешь теперь кафы́кать всю ночь. Ну и безумный. Вытаращишь глаза и бежишь, как дикошарый, язви тебя в душу. Вот возьму ви́цу (прут), да как жогну!» Достает мне теплые сухие носки и долго еще продолжает ворчать. А я, отвернувшись в сторону, чтобы она не видела, тихонько посмеиваюсь. Знаю, что в жизни меня бабушка пальцем не тронет, а ворчит от доброты, да чтобы скрыть волнение в предчувствии охоты.

Невыносимо медленно угасает день, опускается солнышко в Яскину речку. Где-то там отец ставит сети, а мы бдительно всматриваемся в темнеющее небо. Все замерло на заре.

И вот они — первые вестники вечернего лета. Стороной проносится табунчик чирков-свистунков, слышится кряканье на дальней лыве. И уже совсем рядом, из-за гривы, отсекая посторонние звуки, врывается озорной посвист веселых связей. Бабушка выдергивает роженки, и со звоном падает перевес, но мы оба, отчего-то растерявшись, продолжаем сидеть в скрадке.

«Пошто ты сидишь, как зимний филин. Дуй к перевесу, нюхнёра!» И я дую — со всех ног. На подтоне, запутавшись в мереже, кувыркаются красавцы-связи. Их штук пять-шесть. Хорошая добыча! Дрожащими руками выпутываем птиц. Я с отвращением (потом привыкаешь) пытаюсь закусить им головы, но не выдерживаю такой пытки, и бабушка сама из-за отсутствия зубов перекручивает уткам шеи. Кидаем добычу в мешок и возбужденные усаживаемся в скрадок. Почин сделан. Потом прилетает парочка чернетей, и наступает ночь. А, может, ночи и не было! Казалось, все живое вокруг буйствует и ликует. Высоко над нами с нескончаемыми разговорами тянутся к дальнему Северу огромные станицы пернатого народца. Так и слышится, как истосковались усталые птицы по родным гнездовьям.

Уже пора бы пойти в избушку и отдохнуть до утренней зари. Но так хороша ночь и так велик азарт, что мы остаемся. Резко похолодало. Весенняя сырость пробирает до костей. Бабушка укутывает меня в старую малицу и учит уму-разуму: «Не вертись, как шемелá, а слушай. Полетят

гуси или лебеди, опускай перевес загодя. А то все придерут и отстрадаемся кошельком и деньгами. А отец придет и похвалит: Молодцы, угóили перевес!». Я особенно не вслушиваюсь, слышал уже эти рассказы: в одной плохе орел порвал полперевеса, в другой — лебеди вынесли всю середину. Глаза от долгого напряжения слипаются, и бабушкин голос доносится уже откуда-то издалека. И тут опять звенит перевес, на этот раз попался крупный селезень.

К утру становится совсем неважно, но в душе не проходит радость от удачной ловли. Прямо перед глазами замаячил вдруг табунок уток. Выхватываю роженку из бабушкиных рук и бегу за добычей. Но перевес пуст. «Ты пошто перевес-то опустил? Кого узрел?» Я молчу. Дошло до меня, что не утки летели, а кружились перед моими сонными глазами какие-то мошки-мотыльки. Успокаивается бабушка. Светлеет звездное небо. Еще два раза падает перевес, и кончается утренняя зорька. Гордые, идем к избушке. Я еле волочу мешок, но бабушке не отдаю. Тлеет затухающий костер, а из избушки доносится здоровый храп. Видно, намаялись добытчики, напились чаю да уснули. Бабушка быстро поднимает всех на ноги: «Каво дрыхнете, разъязви вас в пучину! Белый свет на дворе».

Надо отметить, что исконные сибиряки-тундринцы не любят ругаться забористо, с выкрутасами. Знают, конечно, как сказать, но матерщинников, особенно при детях, не терпят. «Подь ты к чёрту или к холере» да «язви тебя» — основной набор их бранного лексикона. Долго бы качали головами те тундринские мужики и бабы, когда б слышали, что льется нынче из голубого экрана.

И вот уже запылал костер. В большой котел каждый бросает по утке, и далеко слышится аромат аппетитного варева. Ведем разговор с друзьями-сверстниками, сидевшими в других плохах. Никого не обошла охотничья удача!

Слышно, как кто-то едет на обласе по речке. Спотыкаясь о кочки, бегу встречать отца. Облас уже у берега, и в нем изгибаются и трепещут огромные щуки, сороги и караси. Не выдерживаю и хвастаюсь нашими с бабушкой успехами. С довольным отцом присоединяемся к компании едоков вокруг костра. Со всех сторон слышатся шутки и смех.

Закончился счастливый день моей первой весенней страды. Пора домой.

Далекое и близкое... Как все смешалось!

Зори, зореньки весенние,
Вы зачем пришли — нахлынули.
Воротились из забвения,
Обожгли и душу вынули!

* * *

Уже в недавние годы удалось мне прочитать об утином промысле перевесами у известных сибирских исследователей А.А.Дунина-Гаркавича и С.П.Швецова в их трудах «Тобольский север» и «Очерк Сургутского края», изданных в начале XX века. Их описания во многом соответствуют тому, что увидел я через пятьдесят лет. Только дичи стало несравненно меньше! Потому постепенно заглох этот промысел, а к середине 50-х годов и вовсе угас и попал под запрет.

Но что было, то было...

ОГОНЬ НАД ТРОМ-АГАНОМ

Как-то в октябре, в начале семидесятых годов, приехали мы с Куйдой Василием Лаврентьевичем, в то время заведующим районным отделом культуры, в деревню Русскинская.

Я тогда работал заведующим районо.

Ближе к вечеру, завершив дела, встретились со старым знакомым, охотоведом Ядрошниковым Сашей. Разговорились об охоте, рыбалке. Вспомнили старину, забытые виды промысла. И зашла речь о добыче рыбы острогой, добыче экзотической, но не одобряемой рыбоохраной. Надо сказать, в Среднем Приобье, насколько мне известно, острожением рыбы (лучением) никто никогда не занимался. Для этого пригодны мелководные прозрачные речки, а не глинистые, мутные воды Оби и ее притоков.

Тем большее удивление и восторг вызвало у нас Сашино предложение испытать судьбу и попробовать порыбачить острогой на Тром-Агане.

Когда стемнело, заехали на лодке в широкий, но мелкий залив-урей. На носу, на железной решетке, развели огонь. Я тихонько греб, а Саша стоял впереди с острогой — тонким шестом с копьем и жалом на конце.

В осенней непроглядной ночи яркий огонь выхватывал то один, то другой участок воды, просвечивающей насквозь. Все дно реки было устлано разноцветным ковром из опавших листьев.

Стояла уже предзимняя пора, приближался ледостав, и потому вода приобрела небывалую прозрачность.

И, как на полотне художника, словно выполненные акварелью, двигались в огненных лучах загадочные силуэты нереально больших рыб — щук, язей, окуней, сорог.

Честное слово, прямо как в подводной одиссее капитана Кусто! Кажется — протяни руку и дотронешься до серебристой чешуи язя или красного окуневого плавника.

Вот она — большая дремлющая щука. Мелькнула острога, и через секунду добыча в лодке. За щукой упали к нашим ногам другие представители рыбьего царства.

Необычность этой рыбалки заключалась и в том, что рыбу можно было выбирать на любой вкус по виду и размеру.

Саша не сделал ни одного промаха и за несколько минут, как из аквариума, натаскал рыбы на добрую двойную уху. Мы только качали головами, любуясь его ловкими движениями. Никогда больше не довелось мне наблюдать такого захватывающего зрелища!

Пришел и наш черед испытать себя. И мы испытали и убедились, как далеко нам до нашего учителя! Обманула кажущаяся простота этой охоты. Промах следовал за промахом. Преломление света в воде искажало истинную картину, и неверная рука направляла острогу совсем не туда, куда следовало бы.

— Что-то у вас, братцы, ничего не получается! — говорил Саша.

— Да уж, — в отчаянии соглашались мы.

— Кажется, так просто, и почему только рыба уплывает.

Мы избороздили урей во всех направлениях и лишь с великим трудом сумели наколоть на острогу по одной рыбешке.

Но наше настроение эти неудачи не очень омрачили.

Впереди была душистая уха, наваристая, с дымком, на высоком берегу Тром-Агана, поросшем соснами и березами.

Саша рассказывал приключившиеся с ним охотничьи истории. Захмелевший от вольного лесного воздуха и чарки крепкого вина Василий Лаврентьевич, старый фронтовик, пел красивые песни о страданиях мятущейся русской души, о нашем крае, о нефтяных королях.

Пел мужественно и душевно, как умеют петь много пережившие и повидавшие люди.

Падали звезды в воды божьей реки — древнего Тром-Агана, и тихо шумел ветер в верхушках сосен.

Давно уже нет Василия Лаврентьевича.

Александр Павлович Ядрошников стал директором созданного им в Русскинской музея Человека и Природы. Тонкий ценитель и знаток северной тайги он сумел воплотить в жизнь свою мечту.

А у меня в глазах так и стоит незабываемая осенняя ночь и слышатся слова песни:

«Но грустить нам некогда, ведь до моря Карского тянется Тюменский наш меридиан, наш Тюменский меридиан...».

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Если мать провожает с улыбкой	4
Под синим пологом лесов	5
Первый пароход	8
Покаяние	11
Старожилам Сургута	12
Поэма об отце	15
Очнись, страна	18
Видел я: умирал парнишка	19
И позабыть мне не пристало	21
Всегда ты с нами	25
Какое слово горькое — война!	27
Вы — пограничники	29
Слово о Бахилове	30
Песня о нефтяниках	32
Что дано — то не отнимешь	33
Мой край	35
Мы сегодня словно птицы	37
Ушел в далекие урманы	40
Песня отчаянья	43
Лебедь режет крылом (элегия)... ..	45
Весенняя песня	47
Повело поплавок... ..	49
Женщинам Сургута	51
О многом людям ты поведал	53
Удивительный человек	55
Сказание о Высоком Мысе	57
Не бывает стихов без любви	61

ОЧЕРКИ

Матушка-церковь стоит	65
Зори весенние непозабутые	69
Огонь над Тром-Аганом	77

Валентин Петрович Замятин

«Под синим пологом лесов»

ОАО «Сургутнефтегаз»
Рекламно-издательский информационный центр
«Нефть Приобья»

Лицензия № 071279 от 11 апреля 1996 года.

Редактор **Д. Сергеев**
Техническое и художественное редактирование **Э. Шимчук**
Художник **В. Сычев**
Корректор **В. Беяева**
Фотографии **Л. Березницкий, А. Бессмертных, А. Кондрашов**

2011

Сдано в набор 28.11.2000г. Подписано в печать 25.01.2001г.

Бумага офсетная. Формат 60х84/16

Гарнитура AcademyC. Печать офсетная.

Усл.печ. л. 5 .Тираж 1000 экз. Заказ № 6815-2000.

Почтовый адрес:

628400, Тюменская область, г.Сургут, ул.Магистральная, 19а.

2005

